

ТИСАТО АБЭ

Тайна ворона

Тисато Абэ

Тайна ворона

Серия «Японское фэнтези. Ятагарасу»

Серия «Ятагарасу», книга 5

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69222088

Тайна ворона: АСТ; М; 2023

ISBN 978-5-17-153446-2

Аннотация

Старшеклассница Сихо Кадоно отправляется на праздник в загадочную деревню к дяде, надеясь разобраться в тайнах своей семьи. Едва она приезжает на место, туман вокруг сгущается и она слышит пугающие слова: «Уходи отсюда». Но девушка не прислушивается.

Праздничное торжество сменяется ужасным жертвоприношением, и Сихо забирают жуткие существа. Теперь ей уготована ключевая роль – ухаживать за самым настоящим божеством на священной горе, как некогда это делали жрицы-мико. Однако злобное и уродливое божество способно сожрать любого, кто не подчинится его капризам. Сихо учится жить среди жестоких обезьян и воронов, принявших человеческий облик, и больше всего на свете мечтает вернуться домой. Узнав историю бога, она должна решить, бросить ли обитателей священной горы

на произвол судьбы или остаться, чтобы помочь божеству обрести себя.

Содержание

Персонажи	6
Предисловие	8
Глава первая	10
Глава вторая	57
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Тисато Абэ

Тайна ворона

Copyright © ABE Chisato 2016. All rights reserved.

Originally published in Japan by Bungeishunju Ltd., in 2016

Cover illustration by NATSUKI

© Румак Н. Г., перевод на русский язык, 2023

© ООО «Издательство АСТ», ООО «Реанимедиа ЛТД.»,

2023

* * *

Персонажи

Сихо Кадоно – ученица первого класса старшей школы¹, живет вдвоем с бабушкой в Токио. Родители погибли в аварии. Внезапно объявляется дядюшка Сюити и приглашает девушку на родину матери, в деревню Сандай.

Ямагами – хозяин горы Арэяма. Требует жертв у жителей деревни Сандай.

Оодзару – «большая обезьяна», прислужник и посланник божества Ямагами. Пожирает людей.

Надзукихико – прислужник и посланник божества Ямагами. Называет себя старейшиной ятагарасу.

Масару Танимура – удачливый предприниматель в мире людей, в летнее время живет на даче в горах.

Хисано – бабушка Сихо. Тридцать семь лет назад, покинув мужа и сына, сбежала из Сандая, взяв с собой только дочь Юмико.

Масухо – кузина Надзукихико. Прислуживает Сихо.

* * *

---

¹ Японские школы делятся на три ступени: шесть лет начальной школы, три года средней школы и три года старшей. Нумерация не сквозная, то есть, поступив в среднюю школу, ученик снова попадает в первый класс. Таким образом, первый класс старшей школы соответствует десятому классу российской школы.

Само имя Тамаёри-химэ – «одержимая духом дева» – означает исключительную близость к божеству. Благородные девицы, ревностно служившие богу и принимавшие участие в религиозных празднествах, часто получали такое прозвище, в этом нет ничего удивительного.

Янагита Кунио, «Размышления о Тамаёри-химэ» из книги «Сила женщины»².

---

² Янагита Кунио (1875–1962) – знаменитый японский фольклорист и этнолог. В названии книги использован иероглиф «младшая сестра», однако считается, что под этим словом может подразумеваться любая женщина: мать, сестра, тетка, двоюродная сестра, жена и т. д.

Предисловие

Я поссорилась с отцом. Уже не помню почему. Отчетливо всплывает перед глазами только озабоченный вид отца, несколько раз повторившего: «Глупенькая ты!» Я тогда не поняла, отчего у него такой беспокойный и грустный взгляд. Даже разозлилась: это ведь я чуть не плакала, оттого что не могла донести до него свои мысли.

Когда я, не выдержав, удрала в свою комнату и зарылась в постель, пришла мама:

– Ни ты, ни папа не виноваты.

Так было всегда. Когда мы с отцом ссорились, она не принимала ничью сторону, но через некоторое время приходила с горячим молоком, чтобы убедить меня или утешить.

Теперь она сидела на краю моей кровати и, неспешно поглаживая меня по спине, – я завернулась в одеяло, словно бабочка в кокон, – говорила:

– Ни ты, ни папа не виноваты, но мама прекрасно понимает, почему он так сказал. Просто ему не хочется, чтобы родную дочь обижали или чтобы ей было плохо, когда она делает что-то для других. Он ведь о собственном ребенке беспокоится.

Она говорила мягко, ласково.

– Но я понимаю и что ты хочешь сказать. Ведь только ты знаешь, что для тебя лучше. Поэтому пообещай мне одну

вещь. — В нежном голосе матери появились просящие нотки. — Мы с папой больше всего хотим, чтобы ты выросла здоровой и счастливой. Так что постарайся сама не помешать этому.

Что же я ей тогда ответила? Память затуманивается, а у мамы уже не спросишь.

Глава первая

Пережидая дождь

Май 1995 года.

Она все-таки это сделала. Обдумав, в какой ситуации оказалась, Сихо сбросила свои удобные ботинки, которые так кстати пришлось в этом путешествии.

Девушка сидела на старой автобусной остановке. Лил затяжной дождь, и через дыры в оцинкованной крыше беспрерывно капала вода. Реклама местной травматологической клиники почти полностью выцвела, зато на покосившемся указателе удалось разобрать «Оонума-бути». Буквы давно покрылись красной ржавчиной, и все же Сихо поняла, что приехала явно не в Оонума-гути. Она в панике проверила расписание: да, это был последний автобус. Надо бы позвонить дяде, который собирался ее встретить, однако густой туман мешал разглядеть, есть ли рядом не то что телефонная будка – вообще хоть какие-нибудь дома.

– И что теперь?..

Девушка уже хотела дойти до своей остановки пешком, но не смогла найти складной зонтик в рюкзаке: наверное, где-то забыла. Выхода нет.

Так. Она звонила из телефона-автомата со станции. Не увидев ее в автобусе, дядя поймет, что случилось, и приедет за ней сюда. Немного поколебавшись, Сихо все-таки решила пока подождать на месте и уселась на скамейку. Деревянное сиденье глухо скрипнуло, а в следующий миг остановку окутала глубокая тишина, какая бывает только в горах.

Это «возвращение на родину» стало для нее первым в

жизни самостоятельным путешествием, почти побегом из дома. Из Токио сюда она добиралась почти четыре часа, пересаживаясь с поездов на автобусы. До сих пор она прекрасно справлялась, и только в самом конце все пошло кувырком.

Под крышей остановки слышался только звонкий стук – будто капли лупили по поверхности пустой банки. Хотя до захода солнца еще оставалось много времени, вокруг потемнело, как на дне мутной лужи, и лишь трава под ногами блестела свежей зеленью.

Стоял май, но под дождем в горах оказалось зябко. Сихо уже вынула из рюкзака куртку, и тут среди шума ливня послышался еще какой-то звук. Сначала она решила, что это мотор автомобиля, но по лужам явно шлепал человек. Девушка напрягла зрение, чтобы рассмотреть, кто идет... и вздрогнула.

– Эй, ты что там делаешь?! – Ее голос прозвучал гораздо громче, чем она сама ожидала.

Не успев подумать, Сихо выскочила наружу и затащила под крышу промокшего, но совершенно не замечавшего ненастья худенького мальчика. Ему, кажется, не было и десяти лет.

– Смотри, какой ты мокрый! Почему ходишь без зонта? Ты где живешь? Недалеко?

Ручонка, за которую она ухватила малыша, была пугающе холодной, и девушка решила, что ребенок болен. Надев на него свою куртку, она вытащила со дна рюкзака полотенце

и набросила на мокрую головенку мальчика, как вдруг обратила внимание на одну странность.

Даже в сумраке она заметила, что из-под полотенца торчали золотистые волосы, при этом сам мальчик выглядел ужасно маленьким и грязным. С плеч свисало какое-то тряпье – то ли тонкая короткая рабочая куртка, то ли футболка, – а голые ручки и ножки казались тонкими, как палочки. В лице – ни кровинки, и только огромные глаза сверкали в темноте, когда мальчик поглядывал в разные стороны. В его зрачках словно поблескивали маленькие фейерверки. Вместе со странным цветом волос это смотрелось необычно.

Наверное, Сихо выдало выражение лица: мальчик, до сих пор молчавший, вдруг скривился:

– Уходи отсюда.

– Что?!

– На горе уже начался праздник. К деревне приближаться нельзя.

– Какой еще праздник? Ты про деревню Сандай?

– Да. Поэтому уходи скорее!

От приказного тона мальчишки Сихо оторопела. Может, он боится чужих?

– Не знаю, что означает твое «поэтому», но понимаешь, я приехала специально, чтобы посмотреть на праздник.

Девушка старалась говорить мягко, надеясь успокоить ребенка.

– Меня пригласил один человек отсюда, и вот я здесь. Так

что не волнуйся. Да и домой-то вернуться сейчас не получится: никакого транспорта нет.

Услышав это, мальчик снова замолчал. Сихо же больше волновало то, что он совсем промок.

– Так ты далеко живешь?

Хотя она не была уверена, что сегодня сама окажется дома, все же оставить здесь ребенка тоже не могла. Надо связаться с его родителями или полицией, а для этого проще всего попросить дядю позвонить из деревни.

– Хочешь поехать со мной? – Она присела на корточки, чтобы ее глаза находились на уровне глаз мальчика, и тот заморгал.

– Ты такая добрая, что это даже глупо!

Сихо невольно рассмеялась:

– Точно, мне часто говорят: знай меру, не лезь со своей помощью. Но ты все-таки пойдешь со мной?

Она озорно улыбнулась, а мальчик вдруг скривил рот и, помолчав, вздохнул:

– Я ведь о тебе беспокоился. Да уже поздно.

С этими словами он бросил взгляд куда-то за спину Сихо. Она обернулась, чтобы понять, куда смотрит мальчик, и на этот раз действительно услышала шум мотора: из тумана показался автомобиль.

Это была импортная, явно дорогая машина со сверкающей золотом эмблемой. Разбрызгивая воду, она на большой скорости подъехала к остановке, где стояли ребята.

– Сихо! Я так волновался! – С водительского места выскочил человек, и девушка вздохнула с облегчением.

– Дядя! Извините, пожалуйста, я перепутала остановки.

– Я так и подумал. Мне сказали, что ты задремала по дороге. – И он протянул ей знакомый зонтик с узором в виде сурепки. – Водитель ужасно беспокоился: он видел, как ты подскочила и вылетела из автобуса, и переживал, что не уточнил, где ты выходишь. Вот, держи и больше не теряй!

Сихо взяла свой зонтик и смущенно поблагодарила дядю. Тот ответил:

– Да не за что! Ну, поехали!

Он направился к машине, однако девушка остановила его:

– Дядя, подождите! Я понимаю, что это нагло с моей стороны, но давайте возьмем и мальч...

Она повернулась и замерла. Дядя тоже обернулся, посмотрел вокруг и озадаченно взглянул на племянницу:

– Ты чего?

Мальчик, которого она ожидала увидеть рядом с собой, куда-то исчез.

– Устала, наверное, с автобуса на автобус пересаживаться? Я же предлагал у станции встретить! – Дядя затушил сигарету.

В машине, куда Сихо прыгнула, спасаясь от дождя, было чисто, однако в пепельнице возвышалась гора окурков. Девушка тихонько устроилась на переднем сиденье и неопре-

деленно улыбнулась словам родственника, все еще чувствуя, будто ее околдовала кицунэ³.

– Извините, из-за меня у вас столько хлопот...

– Ничего удивительного, что ты ошиблась. Дорога здесь идет вдоль болота Рюганумы, и очень много остановок с похожими названиями. Плохо, непонятно ведь. – Дядя помрачнел. – Оттуда, где ты была, не видно... а, вот сейчас покажется! Смотри.

Он ткнул в окно пальцем, и Сихо заметила между деревьями за ограждением дороги блеск воды. Она глядела через покрытое каплями стекло и, когда белая, замершая над поверхностью дымка чуть разошлась, смогла рассмотреть пейзаж получше.

Это было скорее озеро – довольно большое и совсем не похожее на то, что она представила себе, услышав слово «болото». Его окружали горы, а в центре находился небольшой островок. Над ним, видимо, высилось святилище: виднелись ворота тории⁴ и красный мост, соединявший островок с берегом. Поблизости от моста сгруппировались жилые дома – наверное, это и есть деревня Сандай, цель путешествия Сихо.

Чуть правее на берегу напротив селения возвышалась красивая, не очень высокая гора в форме перевернутой пиалы. Примерно посередине подъема тоже стояли тории, а от

---

³ Кицунэ – божество или лисица-оборотень, способная наводить чары на человека.

⁴ Тории – священные красные ворота перед входом в синтоистский храм.

берега наверх, кажется, вела лестница.

– А на пике горы тоже есть храм? – спросила девушка.

– Вроде да, – равнодушно ответил дядя. – Это запретная территория, так что я тоже не очень в курсе, что там.

– Запретная?

– Да, туда нельзя ходить. Гора называется Арэяма, и существует легенда о том, что на ней живет божество. Здесь у нас издавна много дождей и гроз, поэтому часто случаются «горные цунами» – так называют оползни – и молнии сюда часто бьют.

По словам дяди, на деревню нередко обрушивались стихийные бедствия. Но как-то раз дожди лили особенно долго, все поля оказались испорчены, и жители решили, что деревне конец. Пока ломали головы, в чем причина такого несчастья, забредший путник заявил, будто все из-за неправильного поклонения божеству. Всегда считалось, что в болоте у деревни обитает дракон, поэтому при ловле рыбы его обязательно благодарили. Однако на самом деле дракон оказался горным божеством, живущим на Арэяме, и ему не хватало почестей, которые должны были оказывать жители, охотясь на дичь покрупнее.

Одна из деревенских девушек, узнав, что горное божество сердится, сказала: «Я принесу себя в жертву, а взамен попрошу бога спасти деревню» – и бросилась в Рюгануму.

И тогда вода засверкала, из озера вынырнул дракон с девушкой на спине и молвил: «Намерения девы похвальны, ах

похвальны! Если отныне станете примерно мне поклоняться, буду всегда оберегать вашу деревню».

Затем он вместе с девушкой взмыл в небо и помчался к горе Арэяма.

— Говорят, с тех пор каждую весну, когда начинают сажать рис, дракон спускается с горы к храму у болота и остается там, оберегая деревню.

— Ух ты...

— А еще говорят, якобы девушка тоже стала божеством и теперь охраняет нас. Так что в этот праздник мы не только встречаем и приветствуем божество из гор, но еще и выражаем благодарность ей, нашей спасительнице.

— Встречаете и приветствуете?

— Ну да. Готовим много угощений. Положено есть вместе с божеством и пить много sake. Сегодня особый день — единственный в году, когда люди могут пообщаться со своим богом.

Дядя закончил свой рассказ, и почти сразу Рюганума снова скрылась за горой. Машина обогнула ее и двинулась по ущелью. Сихо и так довольно высоко заехала на автобусе, а за разговором и вовсе не заметила, как асфальтовая дорога осталась позади и они оказались на настоящей горной тропе. Притихший было дождь зарядил с новой силой. Машину сильно трясло, небо потемнело, и Сихо уже начала волноваться, но тут внезапно горы расступились.

— Вот мы и на месте. Все с нетерпением ждут нашу ма-

лышку!

Въезд в деревню находился на возвышении, и оттуда открывался прекрасный вид на поселение у берега Рюганумы, окруженное скалами. Дорога здесь преобразилась, даже не верилось, что минуту назад машину швыряло по ухабам. У рисовых полей там и тут стояли великолепные дома, как правило в виде традиционных японских жилищ, огороженных белыми стенами. Кое-где виднелись и новые строения в западном стиле, делавшие деревенские улочки похожими на тихие городские кварталы. И те, и другие выглядели как роскошные усадьбы, даже не верилось, что это деревенька высоко в горах.

Однако Сихо удивилась не этому. Завидев, как с холма спускается автомобиль, из домов стали выбегать люди, словно только и высматривали гостей. Дядя сбросил скорость и приоткрыл окно – и жители деревни с улыбкой заговорили наперебой:

– Чего ж так долго-то? Мы уж боялися, что и не приедешь вовсе!

– Заждалися тут!

– Сюньити нам рассказал, и мы так уж ждали тебя, так уж ждали!

К Сихо подступили все – от старушек до молодых парней. Здесь существовал свой, особый говор, девушка даже не всегда понимала речь пожилых людей, но сообразила, что они приветствуют ее.

– Ой, спасибо вам большое.

Ей должно быть приятно, но их радость намного превосходила ее представления. К тому же дядино жилище не уступало соседским и тоже оказалось великолепным двухэтажным японским домом. Там, улыбаясь во весь рот, ее встречали женщины в передниках. Сихо не успела толком поздороваться с каждой, как ее уже проводили в гостиную, где стол ломился от угощений.

– Какая ты молодчина, что приехала! Не стесняйся, кушай, пожалуйста! – пригласила ее густо накрашенная тетя в элегантной розовой блузке и юбке.

Рядом с нарядным блюдом тираси-дзуси стояла огромная тарелка риса, перемешанного с водорослями вакамэ и вареной рыбой. Гора тэмпуры была приготовлена из неизвестных Сихо горных овощей, сезонная рыба чуть не вываливалась из горшка, предложили даже суп из фазана с желтыми кругляшками жира на поверхности и сасими из симы⁵.

Гостя сидела с открытым ртом, однако, несмотря на ее изумление, хозяева продолжали приносить лакомства.

– Ой, прости, запоздали мы!

– Возьми-ка суши! Я ж пешком пришла, а они тяжеленные!

---

⁵ Блюда на столе: тираси-дзуси – один из видов суши, когда ломтики сырой рыбы, кальмаров и осьминогов, икра и другие ингредиенты разложены прямо на рисе и подаются в специальной прямоугольной посуде; тэмпура – обжаренные в кляре овощи, рыба, креветки; сасими – нарезанная ломтиками сырая рыба; сима – вид лососевых рыб.

– Вот еще, нашла дурочку. И вообще, хватит ныть!

Люди с огромной тарелкой суши оказались дальними родственниками Сихо и жили неподалеку.

– Деревенька-то у нас маленькая, мы тут все почти что родственники.

– Набросились на девоньку! Да разве она вас всех упомнит?!

– А хорошенькая какая! Славное будет посвящение!

– Да уж, повезло нам!

В какой-то момент Сихо под предлогом, что ей нужно в туалет, ускользнула с праздника.

В прохладном коридоре она глубоко вздохнула. Сихо впервые окружало столько незнакомых взрослых – пусть даже они собрались, чтобы поприветствовать ее, – поэтому она немного устала. Чуть переведя дух, девушка уже собралась вернуться в гостиную, как вдруг заметила, что из комнаты, где, видимо, находился домашний алтарь, выглядывает какая-то маленькая тень. Это была девочка – наверное, первоили второклассница. Сихо сразу сообразила, что перед ней стоит кузина, о которой рассказывал дядя.

– Ты Саяка, верно? А почему не идешь в гостиную? Пойдем поедим суши вместе.

Девочка попыталась что-то сказать, но тут раздался сердитый окрик:

– Кому было сказано не выходить?

Саяка поспешно спряталась. Сихо обернулась: по лестни-

це с грохотом сбегал мальчик лет тринадцати-четырнадцати.

– А ты, похоже, Сюго?

Если это брат Саяки, значит, ей он тоже приходится кузеном.

– Я Сихо. Скорее всего, дядя тебе говорил: я тут у вас поживу неск...

Однако Сюго, бросив на двоюродную сестру холодный взгляд, зашел вслед за ней в комнату и грубо задвинул за собой перегородку. Сихо удивилась такой бесцеремонности, но тут на шум выскочила тетя.

– Что-то случилось?

– Я просто хотела поздороваться с Саякой и Сюго...

– И он повел себя невежливо? Прости, у него сейчас такой возраст.

Тетя говорила с улыбкой, которая совершенно не изменилась с момента их встречи, будто на лице у нее была маска.

– Пойдем к гостям. Вообще-то, еще не сезон, но кое-кто специально для тебя поймал форель! Я пожарила ее с солью – очень вкусно!

Тетя вцепилась в плечо племянницы с такой силой, что ногти почти впились в кожу.

– А почему все так хорошо ко мне относятся?

– Так ведь ты из нашей деревни, не стесняйся! Твои-то почти сорок лет не навещали родину – вот мы и радуемся.

Сихо поняла, что речь зашла о причинах ее появления здесь, и сглотнула.

– Тетя, я как раз хотела спросить об этом...

– Ну-ну, серьезные разговоры оставим на потом. Торопиться нам некуда! – И тетка подтолкнула Сихо в сторону оживленной гостиной. – Времени у нас сколько угодно!

Девушке больше ничего не удалось сказать, и, принимая стакан с апельсиновым соком, она вспомнила, что произошло месяц назад.

* * *

– Ты ведь Сихо Кадоно?

Стоял зимний день, и дыхание вырывалось изо рта белым паром. Вернувшись из школы, Сихо ставила велосипед на стоянку у дома, когда кто-то окликнул ее. Она обернулась. Посреди привычной ей картины на фоне заходящего солнца странно выделялась черная тень – там стоял мужчина лет пятидесяти. Одет он был в приличный темно-синий костюм, хоть и без галстука; на лице – улыбка. Сложен неплохо, но выглядел болезненно, под глазами набухли мешки. Девушка его не знала.

– А вы кто?

Сихо насторожилась, но мужчина протянул ей визитку:

– Прости, появился ниоткуда, напугал тебя. Не бойся, я не какой-то незнакомец, я твой дядя.

– Кто?!

– Старший брат твоей мамы, то есть твой дядя.

От шока Сихо сначала ничего не ответила. Даже когда ее семья погибла в аварии, на похоронах не было никого из маминых близких. Она вообще впервые слышала о том, что у нее есть еще какие-то родные, кроме бабушки. А теперь перед Сихо стоял человек, называющий себя ее дядей, и грустно смотрел на молчащую девушку.

– Я слышал, что сестренка давно умерла. Тебе было так тяжело, а я ничем не помог, прости.

– Да ничего...

– Мама твоя могла бы и не упрячиться так, а рассказать о себе.

Его губы скривились, однако Сихо не знала, что ему сказать. Родители погибли, когда она училась в начальной школе, и с тех пор девушка жила у своей одинокой бабушки. Поначалу она часто плакала при мысли о папе и маме, но уже смирилась и считала, что живет обычной счастливой жизнью.

– Простите, вы действительно брат моей мамы?

«А почему же мы о вас до сих пор ничего не знали?» – хотела она продолжить, но тут ее резко окликнули.

– Сихо!

– Бабушка!

Бросив пакет с продуктами, к Сихо подлетела бабушка с таким лицом, какого девушка у нее еще никогда не видела.

– Привет, мам. Ты и правда постарела, – с иронией произнес дядя, глядя на вставшую между ним и Сихо женщину.

– Ты Сюити? Чего тебе от нее надо? – с явной опаской спросила бабушка, и мужчина скривился.

– И это все, что мать может сказать сыну? Сыну, которого бросила, а теперь так холодно встречает?

Сихо ухватила за страшное слово.

– Бросила? Бабушка, ты бросила дядю? – невольно взвизгнула она.

– Да, бросила! – глядя на Сихо, ответил тот и, словно через силу, продолжил: – Ты, скорее всего, не знаешь, что бабушка оставила своего мужа с маленьким ребенком и сбежала из дома с твоей мамой. Это было тридцать семь лет назад.

– Сюити! – попыталась перебить его женщина, но тот только фыркнул.

– А что? Это чистая правда.

– Какая правда? Ты ведь вместе с ним обижал Юмико!

Дядя мгновенно покраснел.

– Ни разу мы с отцом не обидели Юмико! Вот теперь я понял. Ты оправдывала свой побег, прикрываясь дочерью! А сама просто не выдержала деревенской жизни!

– Да ты издеваешься?!

– Это кто тут над кем издевается? По-моему, именно ты посмеялась надо мной: поспорить с мужем и уехать, покинув десятилетнего мальчишку, который ничего не понимал.

Бабушка на миг побледнела, а дядя злобно бросил:

– Отец умер в прошлом году в одиночестве: так и не женился второй раз. Правда, я за тридцать семь лет нашел се-

бе невесту. Она любящая мать, в отличие от тебя: заботливо воспитывает наших сына и дочку. И атмосфера в доме совсем не такая, как в моем детстве.

Женщина ничего не ответила. Сихо и представить себе не могла, что та способна на подобное. Бабушка, которую она знала, была строгой, но очень ответственной, к тому же до сих пор растила девушку в заботе и любви. Разве возможно, чтобы она забыла о собственном сыне без всяких причин?

– Бабуля, это правда?

Сихо считала, что если у бабушки есть какие-то оправдания, то она должна все объяснить, однако та продолжала молчать.

– Тебе, наверное, не хочется верить, но я сказал чистую правду. – Дядя перевел взгляд на озадаченную Сихо и вдруг сменил тон. – Впрочем, ни на сестренке, ни на тебе вины нет. Приезжай хоть разок, воскуришь сама благовония на дедушкином алтаре.

Услышав это, бабушка раскинула в стороны руки, будто закрывая что-то от внучки.

– Я ее не пущу. Девочка не имеет к вашей деревне никакого отношения.

– А я не с тобой говорю, – отрезал дядя, и бабушка закусила губу.

– Сихо, иди в дом.

– Но...

– Цыц! Быстро в дом! – И она прогнала девушку домой.

Вернувшись через некоторое время, женщина с порога заявила:

– Все, что он говорил, – просто выдумки. Твоя бабушка действительно уехала из деревни и оставила его там. Но на все это были серьезные причины. В деревне, куда меня взяли после замужества, царил глухой патриархат: там уважали мужчин и ни во что не ставили женщин, поэтому мне пришлось так поступить, чтобы защитить твою маму Юмико. Если он опять захочет встретиться с тобой, ни в коем случае не общайся с ним!

Бабушка оправдывалась как-то слишком рьяно.

– Неужели я не могу даже выслушать его?

– Какая ты у меня все-таки глупая! – рявкнула она. – С такими людьми переговорами ничего не решить. Не слушай его и обязательно скажи потом мне! Поняла?

Под этим зловещим напором Сихо оставалось только кивнуть.

– Считай жителей его деревни совершенно не такими людьми, как мы, – пробормотала женщина, и Сихо, глядя на нее, почувствовала, что по спине пробежал холодок.

«Бабушка, почему у тебя такое лицо?»

Мрачное, полное ненависти выражение было совсем нехарактерно для старушки, которую знала девушка.

Она проснулась как от толчка. Посмотрела на светящиеся стрелки часов: было 23:48. Сихо легла почти два часа назад.

Снаружи мягко шуршал дождь. Девушка вздохнула и закрылась в непривычно пахнущее одеяло. Сегодня она так ничего и не смогла сделать. Даже сейчас, вспоминая лицо бабушки, Сихо чувствовала тревогу. Конечно, ей строго-на-строго велели не общаться с дядей, но разве она послушает?

Ее зацепило то, что дяде было всего десять лет, когда бабушка покинула деревню. Иронично, что Сихо сама потеряла родителей ровно в том же возрасте. Выросшая без матери девушка прекрасно знала это чувство одиночества, и холодный прием, оказанный дяде, которого бабушка встретила после стольких лет, выглядел слишком уж жестоко.

Сихо ужасно хотелось узнать, по какой причине та бросила своего сына. Вот почему она согласилась выслушать дядю, который на следующий день ждал ее у ворот школы. Она позволила себя уломать и отправилась с ним в сетевой семейный ресторанчик, но дядя не сказал ни одного плохого слова о своей матери. Он просто увлеченно описывал, как прекрасна деревня в горах, где стоит дом его семьи, и как там живут двоюродные брат и сестра Сихо.

Он совершенно не собирался касаться главного: почему его мать уехала от них. А когда девушка попыталась задать

вопрос, ответил уклончиво:

– Мне не очень приятно вспоминать то время. Если действительно хочешь узнать, что тогда произошло, приезжай на могилу дедушки. Там все тебе и объясню. Дома и альбом с фотографиями есть – думаю, они помогут разобраться, кто из нас говорит правду. Ты ведь сейчас не до конца мне веришь, так? Я боюсь, ты меня поймешь неправильно и получится нехорошо по отношению к дедушке. Впрочем, я вовсе не отказываюсь потолковать об этом.

Оказалось, что как раз в длинные майские выходные⁶ в деревне будет праздник, поэтому они решили: пусть Сихо приедет в гости, а там заодно и посмотрит, что и как.

Не желая спорить с бабушкой, девушка уехала, пока той не было дома, – только письмо оставила. Сихо чувствовала свою вину: мало того, что заставит бабушку беспокоиться, так еще и поедет ворошить прошлое, о котором та не хотела говорить. И вот день закончился, а девушка до сих пор не смогла ни о чем расспросить дядю.

Кроме того, преувеличенное дружелюбие жителей дерев-

---

⁶ Длинные майские выходные, или «Золотая неделя», – государственные праздничные дни в Японии с конца апреля по начало мая. В 1989–2006 гг. 29 апреля праздновался день рождения императора Хирохито, который назывался «День зелени», так как император был биологом и ценителем живой природы. Позже День зелени перенесли на 4 мая, а 29 апреля стало называться Днем Сёва, по названию эпохи правления императора. Кроме того, 3 мая отмечается День конституции, а 5 мая – День детей (ранее – День мальчиков), поэтому выходные могут длиться неделю или больше (включая субботы и воскресенья). В Японии в это время принято планировать различные поездки и путешествия.

ни беспокоило ее, как волосок, попавший в рот: вроде и мелочь, а ужасно неприятно. Почему – она не могла сказать. Все были с ней ласковы, даже чересчур, все радовались «возвращению» Сихо на родину. Вот только ей все время казалось, что улыбаются они неискренне. Пустые улыбки во время банкета так пугали, что она почти не притронулась к угощениям. Пришлось даже попросить разрешения уйти до окончания ужина, отговорившись усталостью после долгого путешествия.

«Почему же бабушка так не любила это место?»

Девушку все еще беспокоила резкость старушки, но, после того как Сихо все-таки нарушила строгий запрет и приехала сюда, спросить было не у кого. Она бессознательно потерла лоб и поняла, что челка мокрая от пота. Да и в горле сухо. Теперь, когда Сихо обратила на это внимание, она поняла, что уже не заснет. Накинув поверх пижамы куртку, она тихонько вышла из комнаты, чтобы налить себе на кухне воды. Ее поселили рядом с Сюго, в самом дальнем углу второго этажа. Девушка осторожно спустилась по лестнице, стараясь не разбудить спящее дядино семейство, однако на кухне еще горел свет.

Похоже, там кто-то беседовал. Сихо только собралась окликнуть их, как вдруг услышала истеричный вопль тети:

– Так это я виновата?!

– Не ори, дура! – Раздраженный голос явно принадлежал дяде.

Что-то явно было не так, и Сихо решила пока помолчать.

– А вдруг она проснется? Девчонка и так почти не при-
тонулась к еде со *снадобьем*.

– Я тебе говорю: я в этом не виновата! Она и другого ни-
чего не ела. Может, вообще малоежка?

О чем это они?! Люди, обменивающиеся колкостями, бы-
ли совсем не похожи на тех дядю и тетю, которые ее встре-
тили.

– Надо же! Кто бы мог подумать, что так тяжело подгото-
вить посвящение...

– Мы скоро доиграем свою роль, нечего так ворчать. Оста-
лось просто доставить ее туда, и все.

– А вдруг будет сопротивляться? Может, связать девчонку
до прихода остальных?

– Пока спит? Разбудим еще, начнет брыкаться – поранит-
ся.

– Да какая разница? Принесем ее в жертву – и все будет
в порядке!

Сихо невольно сделала шаг назад. И тут под ее ногой
скрипнула доска.

– Кто там? – Из кухни с воплем вылетела тетя.

Сихо, наверное, никогда не забудет это зрелище. Тетя сто-
яла против света, падающего из кухни, и из-за растрепанных
волос казалось, что голова ее странным образом раздулась.
На лицо легла черная тень, и только глаза пылали. Увидев
Сихо, она раззявила нарисованный красной помадой рот и

оскалила ровные белые зубы.

– Это ты?! – придушенным голосом прошипела она, и девушка, не удержавшись, закричала.

Она развернулась и попыталась удрать, однако сзади ее со страшной силой дернули за капюшон. Раздался треск рвущейся ткани, Сихо чуть не упала, когда женщина потянула ее к себе, но ухитрилась сбросить куртку.

– погоди!

– Стой!

– Не удерешь! – вопили дядя и тетя, перебивая друг друга, и девушка, не помня себя, ринулась в прихожую.

Надо скорее бежать отсюда. Скорее, скорее, скорее! Дрожащими руками отперев дверь, она выскочила наружу... и застыла на месте. Там уже ждали мужчины в белых одеждах и с факелами в руках. На лицах людей, которые несколько часов назад толпились вокруг нее с улыбками, не осталось и следа не только радости – они не выражали ничего.

– Ой...

Пока она глядела в эти лишенные всякого тепла глаза, в голове прозвучал голос: *«Считай жителей его деревни совершенно не такими людьми, как мы».*

«Значит, бабушка была права», – промелькнула в голове последняя мысль.

На голову обрушился сильный удар, и девушка потеряла сознание.

– Говорил же, надо бежать! – прозвучал усталый голос.

Сихо захлопала глазами – и увидела лишь темноту. Некоторое время девушка не понимала, что происходит. Она попыталась приподняться, но стукнулась головой и только теперь сообразила, что ее где-то заперли. С трудом ей удалось сесть, согнув колени, однако встать не получалось. В ту ночь на Сихо была тонкая пижама, привезенная из дома, теперь же в груди жало и на теле ощущалась плотная ткань. Вытянутая рука сразу же на что-то наткнулась, и по спине пробежал холодок.

– Что это?

– Тебя заперли в сундуке.

Все еще не узнавая этот спокойный голос, Сихо невольно завопила:

– Не может быть! За что? Выпустите меня!

– К сожалению, уже поздно. До сундука еще можно было что-то сделать, но ты никак не приходила в себя.

Когда глаза привыкли, девушка заметила лучики света, проникавшие в ее тесную темницу через маленькие дырочки: дерево, из которого сделан сундук, сильно изгрызли насекомые.

Хоть и с трудом, через дырочку она смогла выглянуть наружу. Там в окутанной мраком комнате горела лампа, освещая

щая сидевшего по-турецки мальчика. Точно, это его Сихо встретила на остановке. Как бы ни было трудно осмотреться, вокруг мальчика ей удалось разглядеть много разных угощений. В четырехугольной коробке лежали крупные рисовые колобки моти со сладкой бобовой пастой сверху; в глиняных чашах – большие карпы и толстые фазаны; на полу виднелись, обвязанные соломенной веревкой симэнавой⁷, две целые редьки дайкон, а на маленьком столике возвышалась гора непонятных свертков.

На двери за спиной у мальчика было нарисовано что-то похожее на собаку.

– Где я? Что случилось?

– Мы в святилище Рюганумы.

– В святилище? Но почему?

– Тебя принесли сюда для посвящения.

Слово «посвящение» уже звучало в деревне несколько раз. Однако она не обратила на него внимания: решила, что это какое-то местное словечко.

– Подожди. Ты о чем? Что за посвящение?

– Тебя посвятят божеству. Ты что, не слышала о человеческих жертвоприношениях?

– Это в смысле...

– *Тебя принесут в жертву.*

---

⁷ Симэнава – сплетенная из соломы веревка, которой в синтоизме ограждают священные места.

Внезапно дверь в святилище распахнулась.

– Пора.

Когда она узнала в вошедшем дядю, мальчик уже исчез. Не веря своим глазам, Сихо разглядывала человека в одежде жреца.

– Что вы делаете? Вы ненормальные! – завопила она и забилась, пытаясь вырваться наружу.

Однако дядя, грубо треснув по сундуку, рявкнул:

– Заткнись!

Потом он добавил с досадой:

– Эту роль должна была исполнить твоя мать. Из-за того, что она сбежала, в деревне все пошло наперекосяк. Вполне естественно, если ошибку исправит ее дочь. Посвяти себя Ямагами и не смей сюда возвращаться.

При этих словах в помещение вошли несколько мужчин в белых одеждах попроще, чем у дяди. Их лица были закрыты отрезами ткани. Двое подняли сундук, в котором сидела девушка, и куда-то понесли.

Довольно скоро сундук опустили на землю, и Сихо снова выглянула наружу. Рядом стоял алтарь из некрашеного дерева. К нему приблизились женщины в белом и с плотными вуалями на лицах и разложили подношения. Вокруг алтаря и сундука с девушкой торчали из земли тонкие побеги бамбука. Их оплетала симэнава, с которой свисали защитные зигзагообразные полосы сидэ⁸.

---

⁸ Сидэ – полоска бумаги, которая крепится к симэнаве.

Сихо выглянула в дырочку с другой стороны сундука: там тоже собрались жители деревни в одинаковых нарядах. Все они повернулись к алтарю спиной и что-то бормотали.

Дядя с ритуальной дощечкой сяку⁹ в руках по-прежнему не отходил от сундука. Он низко поклонился, оперся коленями на расстеленную циновку и пригубил подготовленное для ритуала sake, а затем стал нараспев читать молитву.

Прими, прими.

Прими к себе эту душу.

Перемести, перемести.

Перемести эту душу в себя.

От такого необычного зрелища Сихо потеряла дар речи. В воздухе летали искры от факелов, потрескивало дерево, доносился незнакомый запах горящего масла. В свете огня люди раскачивались в ритме дядиного чтения. Те, кто принес сюда сундук, держались рядом с ним, их белые одежды в темноте казались оранжевыми, а из-за тряпок на лицах они едва ли напоминали людей.

– Смиренно, смиренно говорю, – закончил дядя, и тут вдалеке, будто дождавшись окончания молитвы, раздался какой-то звук.

Звяк, звяк!

---

⁹ Сяку – плоская дощечка длиной около 35 см, служившая атрибутом костюма чиновника. Изначально на таких дощечках делали записи, позже они приобрели чисто ритуальное значение.

Наверное, это был колокольчик. Услышав звон, деревенские разом поднялись.

– Это они!

– Назад, в деревню!

– Скорее, скорее! – зашептались они и стали отходить, все так же спиной к озеру.

Низко поклонившись алтарю, дядя тоже поспешно двинулся за ними.

– Стойте! Куда вы? – закричала Сихо, придя в себя, но никто ей не ответил.

Лишь трещали факелы да пугающе громко надрывался колокольчик.

Дрожа, девушка прильнула к стенке, обращенной в сторону звука – к озеру. С противоположного берега к ней направлялась величественная процессия. Идущие виднелись нечетко, но Сихо поняла, что они, как ни странно, двигаются по поверхности озера. Процессию составляли фигуры в таком же белом облачении, в каком сюда пришли жители деревни, только эти лиц не прятали. Все были одеты одинаково, лишь фигура впереди выглядела гораздо крупнее остальных. Настолько крупнее, что человеку она принадлежать никак не могла. Если исходить из роста сопровождавших, ее высота была метра три.

Когда процессия приблизилась, стало очевидно, чем так необычна фигура, и Сихо затрепетала от ужаса. Она начала лупить в потолок своей тюрьмы, пытаясь выбраться наружу,

и сундук задребезжал. Похоже, снаружи крышка была чем-то обвязана, и если постараться, то можно ее открыть.

Девушка билась изо всех сил, намереваясь сбежать до того, как странная группа доберется до нее. Она извернулась и, чуть не плача, колотила и колотила локтем. В какой-то момент Сихо вдруг поняла, что колокольчика больше не слышно, и в тот же миг крышку, которую она никак не могла вытолкнуть изнутри, кто-то легко поднял снаружи.

Сихо невольно подняла голову, и первым, что она увидела, была протянутая к ней мохнатая лапа и золотистый глаз величиной с мандарин. Нависая над сундуком, на нее смотрела невероятно огромная обезьяна в таких же белых одеждах, как на жителях деревни.

– Выходи, – сказала она по-стариковски хриплым голосом.

Девушка завопила и изогнулась, надеясь удрать, но обезьяна схватила ее за волосы и безжалостно вытащила наружу. Перед ней предстала процессия примерно из двадцати мужчин в белом. Все, кроме вожака, выглядели как обычные люди, и все же их лица чем-то напоминали обезьяньи, а радужка глаз, направленных на Сихо, была необычного желтоватого цвета – как куркума.

Не успела девушка даже пикнуть, как ее затолкали в паланкин, который стоял примерно в середине процессии, – такие ей приходилось видеть только в исторических фильмах. В отличие от сундука, в паланкине было забранное деревян-

ной решеткой окошко, через которое Сихо могла наблюдать за всем, что происходило снаружи.

Мужчины собрали с алтаря приношения и вернулись на свои места, а обезьяна подняла с земли колокольчик и тряхнула его.

Звяк. Паланкин подняли, и Сихо закачало.

Звяк. Обезьяна встала во главе процессии и двинулась вперед. За ней несли паланкин с девушкой, а позади шли люди с приношениями в руках.

Звяк, звяк – ритмично звенел колокольчик в такт шагам.

Процессия спустилась по каменным ступеням к своеобразной пристани, подходя все ближе к озеру. Большая обезьяна без колебаний первой ступила на воду. От крупной ноги во все стороны пробежала бледная рябь, но поверхность озера выдержала вес. Обезьяна двигалась по воде, словно по земле, и за ней несли паланкин.

Без помех добравшись до суши, существа в белом начали подниматься в гору. Они шли по какой-то звериной тропе, однако ступали уверенно и продвигались гладко, без задержек.

Ночь стояла безлунная. Света не было, однако одежды идущих смутно белели в темноте. Тропа незаметно сменилась старой каменной лестницей, и впереди показались тории. Запретная территория, о которой говорил дядя.

Взобравшись по лестнице и пройдя через ворота, обезьяна выволокла Сихо из паланкина.

– Поднимись.

Девушка, которой наконец-то позволили встать на собственные ноги, заметила, что на ней такие же белые одежды, как и на мужчинах. Она взглянула вверх. По другую сторону ворот поднималась крутая скала. У самого подножия виднелся вход в пещеру, похожий на трещину, а слева и справа от нее стояли небольшие полусгнившие святилища хокора.

В пещере было темно, и Сихо невольно остановилась. Однако обезьяна бесстрашно шагнула внутрь, так что девушке пришлось последовать за ней.

Липкая тьма поглотила ее. Стоило ступить внутрь пещеры, как смутно белевшие одежды обезьяны мгновенно исчезли из виду. Сначала ноги натыкались на сплошные неровности, идти было трудно, однако Сихо не переставали подталкивать сзади, и вскоре девушка вышла на гладкий пол.

В пещере сквозило. По мере того как они продвигались вперед, воздух становился прохладнее, ветер дул гораздо сильнее, чем раньше, а еще запахло водой. Вскоре послышался и шум воды, и девушка увидела впереди свет. Там выход!

Шагнув из пещеры вслед за обезьяной, Сихо остолбенела. Незнакомно откуда на небе появилась луна. Окрестности заливал голубоватый свет, почти ослепляя путников после темной пещеры. Сияние луны, такое яркое, что резало глаза, четко очерчивало силуэты деревьев, будто днем, так что ветви казались белыми. С них скатывались прозрачные, словно

стеклянные, капли, видимо оставшиеся после дневного дождя, а под ногами мягко пружинили опавшие листья.

Оглянувшись, Сихо увидела за деревьями другой источник света. Еще одна луна. Да такая яркая, что легко было обмануться. Только приблизившись, девушка поняла, что ошиблась: это оказалось отражение луны в необычном водоеме.

Пожалуй, озерко было размером со школьный бассейн и имело форму почти правильного полукруга. До вершины горы отсюда явно недалеко, поэтому поверхность воды пузырилась из-за бившего из-под земли родника.

В центре озера торчал внушительный круглый камень. Словно облитый лунным светом, он казался белым, однако сквозь трещинки виднелась какая-то массивная тьма. Вокруг озера ни деревца, лишь гигантский валун возвышался над водой, почти как скала, а под ним – отражение луны. Зачем здесь такая глыба? Это было так мистически красиво, что Сихо залюбовалась, забыв обо всем.

– Что ты делаешь? Скорее завершай обряд очищения. – Непонятные слова обезьяны озадачили девушку.

– Какой обряд?

– Это только для вида. Можешь не раздеваться, залезай прямо так в источник и смой с себя грехи бренного мира.

Сихо почти втолкнули в озеро, и она упала на колени. Вода оказалась ледяной, так что холод пробрал девушку до костей. Как она и думала, со дна бил ключ и пузыри окраши-

вались лунным светом – оттого озеро будто само светилось.

Понукаемая обезьяной, она осторожно прошла вперед, раздвигая воду руками, пока не погрузилась в нее по грудь. Обезьяна и мужчины пристально глядели на нее, что никак не добавляло приятных ощущений. Дрожа вовсе не от холода, Сихо изобразила, будто оmyвает тело – прямо поверх кимоно.

– Ну и хватит. Возвращайся, – быстро прервала ее обезьяна, и девушка вышла из воды. Конечно, никто и не подумал протянуть ей что-нибудь сухое.

Мокрая ткань облепила тело, идти было трудно, но зверюга ухватила Сихо за ворот и тащила за собой. Они двинулись мимо источника к стене и забрались в новую пещеру.

Как ни странно, она оказалась гораздо светлее первой. Под ногами тоже была ровная дорога, и девушка решила, что этот проход явно создан человеческими руками. Вдруг обезьяна остановилась. В темноте не получалось разглядеть как следует, но, похоже, они стояли у входа в какое-то большое помещение. Маленький светильничек озарял не просто полость в горе, а нечто вроде жилой комнаты.

Когда-то она тоже была частью обычной пещеры, позже ее обшили деревом, как деревенский дом. Дощатый пол непонятного цвета испачкан грязью и песком. На потолке виднелись балки, с которых свисали грязные ветхие тряпки.

Впрочем, Сихо рассеянно вертела головой совсем недолго. Она сразу заметила, что в глубине помещения что-то сто-

ит. Интересно, что это такое. Похоже на стул, но почему-то качается, а в центре шевелится что-то маленькое.

Большая обезьяна выпрямилась, вдохнула и выпятила грудь.

– Ямагами-сама, Ямагами-сама, мы доставили посвященную тебе жертву, – гулко объявила она.

В ответ послышались какие-то неразборчивые звуки. Кажется, они доносились от качающегося стула, но для человеческого голоса были слишком бессмысленными, а для рева животного – неуверенными.

Сихо незаметно для себя начала пятиться, однако ее бесцеремонно ухватила за плечо обезьяна. Последовал приказ:

– Иди. *Твой господин* – там. Иди и поприветствуй его.

Сихо удивилась:

– Господин?

– Да. Почитаемый как Ямагами-сама. Ну же, иди.

Девушку подтолкнули в спину, и она на неверных ногах приблизилась к тому, что находилось в глубине комнаты. Теперь она поняла, что это. Колыбель. Неужели этот Ямагами там спит?

С такими мыслями девушка робко подошла ближе и заглянула внутрь, но тут же с воплем отскочила. В колыбели действительно лежал младенец, только совсем непохожий на человека.

Она слышала, что новорожденные выглядят как обезьянки, но этот наполовину был самой настоящей обезьяной. Мо-

жет, это детеныш обезьяны и человека? Личико покрыто морщинами, как у старика, на голове редкие волосики белого цвета. Кожа в каких-то складках, будто расплавилась да так и застыла, и только круглые глазищи неестественно выпучены. По крайней мере, он точно не чистокровный человеческий младенец.

Сихо инстинктивно бросилась бежать, но путь ей преградила большая обезьяна.

– Что такое? Хочешь уйти?

Девушка дрожала, обезьяна лишь хмыкнула и театрально покачала головой:

– Если бы нам позволили, мы могли бы тебя и отпустить...

– Сжру.

Что это за звук? Девушка бессознательно обернулась и ахнула. За край колыбели ухватилась рука – просто кость, обтянутая желтоватой кожей. Ногти длинные, а кончики их острые, как у дикого зверя.

Эта рука цвета гнилого растения протянулась наружу, и младенец вдруг выпал из колыбели. Он пополз по земле и, подняв голову, взглянул прямо на девушку. Из рта ребенка, откуда торчали несоразмерно большие для его тельца клыки, капала густая жидкость коричневатого цвета – не то кровь, не то какая-то еда. Глаза сухие, налиты кровью, в них – черная пустота. И все же за чернотой зрачков проглядывал уже определившийся, сформированный характер.

– Сжру, да, сжру! – Из-за присвиста голос напоминал хрип

умирающего.

«Сжру»? Сожру!

– Я тебя сожру!

Осознав смысл этих слов, Сихо не выдержала.

«Надо бежать!» – Только эта мысль осталась в ее голове, а тело само рванулось вперед.

– Если хочешь уйти, уходи.

На этот раз обезьяна не стала ее останавливать и чуть повернулась, открывая путь. Стоявшие шеренгой мужчины, ухмыляясь, вслед за предводителем расступились перед Сихо – в какой-то момент их физиономии превратились в красные морды обезьян.

В ужасе девушка кинулась к выходу. Однако не успели ее заплетающиеся ноги сделать шаг, как из-за спин мужчин *кто-то* вылетел и крепко схватил ее за руку.

– Бежать нельзя.

– Перестань! Отпусти!

– Если побежишь, обезьяны сразу тебя убьют.

Услышав шепот у самого своего уха, Сихо оглянулась. Перед ней стоял молодой человек лет двадцати пяти с собранными в пучок прямыми волосами. Лишь он внешне отличался от всех остальных. На нем было черное кимоно. Женственное белое лицо с правильными чертами казалось умным и совсем не похожим на морды тех, кто обратился в зверей.

– Не мешай, ворон! Нужно довериться ее воле, – недо-

вольно прохрипела обезьяна, но юноша не обратил на нее внимания и впился глазами в Сихо.

– Делай так, как они говорят. Тогда сейчас тебе никто не причинит вреда.

Девушка заколебалась, но тут не выдержали обезьяны-оборотни.

– Ну, чего вы там шепчетесь? Опять какую-то гадость замышляете? – Когда обезьяна заговорила, ее гнилое дыхание донеслось до девушки.

Юноша бросил быстрый взгляд на оборотня и прошептал:

– Повернись к божеству, склони голову и поклянись делать то, что тебе говорят. Если не хочешь умереть, действуй, быстрее.

Уверенный тон словно подтолкнул Сихо, и она на дрожащих ногах вернулась к чудищу, которого называли божеством.

– Что с тобой? Ты меня боишься? Я кажусь тебе уродливым? Да, наверняка, наверняка. Но на самом деле это ты уродина. Жуткое создание! В твоём гнилом нутре, несомненно, копошатся черви и личинки...

Сихо, все так же не в силах вымолвить ни слова, продолжала слушать пронзительный голос, выкрикивающий ругательства. Она обернулась за поддержкой и увидела, что молодой человек жестами всячески показывает ей, чтобы она встала на колени. Девушка послушно опустилась на пол – почти рухнула, – сгорбилась и наклонила голову.

Видимо заметив это, чудовище прекратило ругаться и наставило свои налитые кровью глаза на девушку.

– Чего ты хочешь?

– Я... Я...

У нее стучали зубы, она не могла толком вдохнуть. «Страшно. Хочется убежать. Жутко. Почему со мной такое случилось?»

– Я сделаю так, как вы скажете.

– Как я скажу? Лжешь! Вы все лгуны! Только и умеете, что лгать, грязные, мерзкие создания! Я тебя сейчас сожру! – Отчего-то распалившись, чудовище заорало еще громче.

– Я не вру.

– Тогда клянись, что будешь делать как я говорю! Точно сделаешь? Да?

Он несколько раз уточнил, и Сихо изо всех сил закивала.

– Тогда станешь *моей матерью*?

Такого вопроса она совсем не ожидала.

– М... Матерью?!

Девушка растерялась, не понимая, что чудовище имеет в виду, но молодой человек, которого обезьяны называли вороном, неестественным голосом заговорил:

– Так и есть. Тебя, девица, доставили сюда выполнять роль матери нашего господина. Это высокая честь, и ты должна с почтением принять привилегию взращивать Ямагами-сама до тех пор, пока он не сможет приступить к своим обязанностям божества.

Сихо не поверила своим ушам, но юноша украдкой подмигнул ей.

«Ничего себе... Растить это чудище?! Да они в своем уме?!»

Но тут чудище опять начало ругаться:

– Знал же, что ты лжешь!

Юноша одними губами выговорил: «Скорее!» – и девушка поспешно закивала.

– Я сделаю как ты говоришь.

– Клянешься стать мне матерью?

– Клянусь.

В тот же миг, как Сихо произнесла эти слова, обезьяны вокруг разочарованно вздохнули, даже не пытаясь притворяться. Большая обезьяна презрительно хмыкнула, и лишь младенец продолжал пронзительно верещать:

– Ты лжешь! Лгунья! Смотри, сразу тебя сожру! Не хочу смотреть на лгунью! Уходи немедленно!

– Пойдем. Теперь все в порядке.

К девушке подскочил молодой человек, взял ее за руку и быстро вывел из помещения. Ни обезьяны, ни чудище не стали их преследовать.

Когда они вышли и завернули за угол, откуда ни возьмись подбежали ребята в таких же, как у юноши, черных одеждах – как будто поджидали их, прячась поблизости. Эти парни были гораздо больше похожи на людей, чем те, что обратились в обезьян. Подобно охране, они пошли сзади.

– Ты не ранена? – спросил ее юноша на ходу.

Сихо попыталась ответить, но голос ее дрогнул:

– Ч-что это было?

Он сразу понял, что девушка имела в виду.

– Знаю, тебе трудно поверить, но, как я и сказал раньше, это горное божество Ямагами.

– Бог? По-моему, просто чудище-оборотень, – взвизгнула Сихо, но молодой человек прижал палец к губам.

– Ты права, он еще не полностью развился и не стал настоящим божеством, но не стоит говорить об этом вслух: как бы он не услышал! Мы находимся на священной земле, где все происходит по его воле. Лучше сдерживать неправильные мысли. Его гневу вы, люди, противостоять не можете.

– Что значит «вы, люди»? А ты разве не человек?

– А похож? – равнодушно спросил молодой человек, и Сихо удивленно оглядела его.

– Кто ты?

– Я старейшина ятагарасу, Надзукихико. По некоторым причинам с недавнего времени прислуживаю Ямагами.

С этими словами молодой человек наконец остановился в каком-то каменном закутке, похожем на темницу. Судя по всему, пещера возникла естественным образом и в ней когда-то уже жили. Кроме сосуда для справления нужды, здесь стояла только двустворчатая ширма и циновка – видимо, вместо постели.

– С этого дня ты спишь здесь. Тебе придется растить это-

го младенца, пока он не станет настоящим божеством. Впрочем, поскольку это не человеческий ребенок, не требуется ни кормить его молоком, ни менять ему пеленки. Просто приходи на его зов, а когда он будет отсылать тебя, уходи. Постарайся прожить подольше, чтобы не навлечь на нас его гнев.

У Сихо закружилась голова. Неужели это все происходит на самом деле?

– Подожди! Что все это значит? Что здесь происходит? – завопила она.

Надзукихико смотрел на нее, не меняясь в лице.

– Раз в несколько десятков лет горное божество меняет тело. Для этого нужна женщина, которая родит ему новое тело и вырастит его. Мать должны предоставлять жители деревни – таков уговор и плата за то, что Ямагами охраняет их. Это и есть посвящение.

Сихо совсем перестала понимать, что происходит.

– А я-то здесь при чем?! Я вообще из другого города!

– Заметно. Слышал, что и предыдущая посвященная тоже была не из этих мест, – легко согласился молодой человек.

Девушка обратила внимание на нестыковку.

– Подожди-ка. Ты же сказал, что посвященная должна родить Ямагами и растить его. Значит, кто-то родил этого младенца?

– Да, была такая женщина. Но ее больше нет.

Вспомнив трескучий голос чудища, Сихо содрогнулась.

– Неужели...

– Да. Ямагами ее *сожрал*.

Девушка ахнула, а Надзукихико продолжил:

– Чуть больше года назад предыдущая посвященная родила нынешнее тело божества, но не пожелала растить его и попыталась убежать. Однако ее быстро поймали, и Ямагами в гневе съел бедняжку. Я стал прислуживать божеству сразу после этого... И, хотя со дня его рождения прошел год, он почти не изменился. Из-за безответственности посвященной он остался младенцем и не может обрести постоянную божественную форму. В отличие от людей, Ямагами не нуждается в пище, но при этом никогда не вырастет без той, кто выполнит роль его матери. А если развитие тела, которое станет сосудом, не завершится, то и унаследовать дух не получится. Вот зачем сюда призвали тебя – посвященную.

– Да ладно! Я не сумею! Пожалуйста, помоги мне сбежать.

– Я понимаю твои чувства, но свою ненависть лучше направь на ту посвященную, которая сбежала, – с деланой вежливостью сказал молодой человек.

Сихо не верилось, что он может так обращаться с ней:

– Это же бесчеловечно!

– Я, кажется, уже объяснил: я старейшина ятагарасу. Мы принадлежим к племени Солнца и людям не союзники.

Несмотря на жестокие слова, речь Надзукихико звучала гораздо правильнее, чем у жителей деревни Сандай, без малейшего акцента, да и внешне он не пугал сходством с иными существами. Видимо, уловив сомнения Сихо, Надзуки-

хико нахмурился.

– Я тебя не убедил, да?

– Конечно.

Он ненадолго задумался, а затем решительно посмотрел на девушку и что-то приказал своим людям на непонятном Сихо языке. Юноши в черных одеждах молча выслушали его, вдруг на их лицах отразилось изумление, они что-то уточнили у Надзукихико и зашагали строем.

– Что? Что такое?

Девушка всполошилась, но Надзукихико холодно бросил:

– Иди за мной. Я покажу тебе.

Выйдя из каменной темницы, молодые люди двинулись вглубь пещеры. Сихо провели по какому-то лабиринту, и процессия оказалась в просторном помещении, вырубленном в скале. Размером оно было примерно со школьный спортзал, пол и стены сплошь обвиты сухими растениями – то ли лозой, то ли плющом. Напротив входа находились огромные ворота – Сихо раньше никогда не доводилось видеть такие.

– Это ворота Кин-мон. За ними – Ямаути, где мы живем. Некоторое время они были заперты, но год назад по воле Ямагами их открыли. Из-за посвященной, не выполнившей свой долг, божественная земля не может нормально выполнять свое предназначение, поэтому нас призвали прислуживать здесь.

Юноши открыли Кин-мон – за воротами оказалась такая же пещера, как и с этой стороны. Растений там не было, но у стены стояли камни, похожие на гробы, откуда беспрестанно лилась вода.

– Ты думаешь, что с нашей помощью сумеешь убежать, – продолжал Надзукихико, пройдя пещеру вдоль канала и выбравшись через такой же каменный ход, как тот, что они миновали ранее. – Я не могу дать тебе такой совет.

Выдолбленный в камне туннель сменился коридором, обшитым деревом. Сихо будто очутилась в большом синтоистском храме – как на школьной экскурсии. Здесь Надзукихико наконец остановился и, повернувшись к юношам, взмахнул рукой. По этому сигналу они с грохотом открыли раздвижную дверь, которую девушка сначала приняла за стену.

Оказалось, что ночь уже закончилась. Снаружи в пещеру попадали солнечные лучи, а значит, где-то там и есть эта «Ямаути», о которой говорил Надзукихико. Сихо думала, что просто увидит сверху Рюгануму или Сандай, но ее ожидания не оправдались. Это явно был иной мир. Внизу действительно раскинулось озеро, но это озеро намного больше Рюганумы. Плавные очертания горного гребня внезапно сменялись крутыми склонами, как на китайских пейзажах, а с отвесных обрывов устремлялись вниз водопады. Между ними виднелись постройки, очень напоминавшие храм Киёмидзудэра в Киото¹⁰.

---

¹⁰ Храм Киёмидзудэра («Храм чистой воды») в Киото знаменит среди прочего

Больше всего Сихо потрясло небо, перечеркнутое огромными черными теньями. Сначала ей показалось, что это нечто вроде планеров, но потом она поняла: то были живые существа. По небу во всех направлениях летали огромные, с легкой автомобиль, вороны. Присмотревшись, девушка заметила, что птицы несут на спинах людей и у них даже есть седла и поводья.

Глядя на затихшую Сихо, Надзукихико подал сигнал ближайшему юноше. Тот разбежался, вскочил на перила и энергично подпрыгнул. Девушка невольно ахнула. До вершины оставалось совсем недалеко, тут было очень высоко. Если юноша сорвется и рухнет с такой высоты, он наверняка погибнет. Но тот, точно акробат, перекувыркнулся в воздухе и вмиг обратился. Перед ней появился большой ворон – таких же она сейчас видела в небе. Птица, несколько секунд назад бывшая юношей, взмахнула черным крылом, словно демонстрируя свое тело Сихо, и улетела к горам.

– Теперь поняла? Мы никакие не люди, мы ятагара-су, – спокойно сообщил Надзукихико ошеломленной Сихо. – Только не надейся бежать сама лишь потому, что я сказал, будто мы тебе не союзники. Если ты покинешь священную землю без разрешения Ямагами, очутишься здесь, в Ямаути. Так что, даже скрывшись от него, в человеческий мир не по-

---

своей архитектурой: одно из святилищ стоит на скале, и к нему пристроена сильно выступающая над пропастью терраса, которую поддерживают снизу высокие деревянные столбы.

падешь.

– Не может быть...

– Если поняла, возвращайся к божеству и воспитай его. – И Надзукихико равнодушно подтолкнул Сихо.

Теперь она наконец знала, что этот юноша, так похожий на человека, на самом деле человеком не являлся. Девушка обмякла и рухнула на колени.

– Слушай, а если этот ребенок сможет стать настоящим Ямагами, если моя миссия закончится, что со мной будет? – Она вспомнила обещание божества сожрать ее.

Вряд ли он просто так отпустит Сихо.

– Возможно, в нем проснутся какие-то чувства, и он вернет тебя в человеческий мир, – не очень уверенно ответил Надзукихико. Ясно было, что он так не думает.

– А раньше такое случалось?

– Ну... По крайней мере, в прошлом женщинам удавалось вырастить отличного Ямагами. Бери с них пример и трудись, а не убегай. Обезьяны тоже едят людей, как и он. Если попытаешься ускользнуть, они воспользуются этим и получают свой обед, так что им как раз хочется, чтобы ты удрала. Но мы, ятагарасу, не сделаем тебе ничего плохого, если только ты сама не замыслишь какую-нибудь подлость. На священной земле человеческую речь понимаем только я, Ямагами и большая обезьяна. Я постараюсь найти тебе товарища, поэтому, если что-то понадобится, говори.

Пусть он и не враг, но точно не друг.

– Я не смогу. Пожалуйста, помоги мне сбежать отсюда, – взмолилась она, понимая, что это бесполезно.

Как и ожидалось, Надзукихико только холодно ответил:

– Не проси об этом. Нам нужно, чтобы ты выполнила свое предназначение.

– Тогда хотя бы сообщите моей бабушке. Я ведь приехала сюда, ничего ей не сказав. Хоть словечко.

– Так нельзя. Прости.

– Пожалуйста, кто-нибудь, спасите меня...

Надзукихико с жалостью смотрел на рыдающую девушку, но помощи ей не предложил.

Глава вторая

Буйная душа

Вернувшись в свою каменную темницу, Сихо плакала, пока не обессилела от слез и не уснула. Ее растолкал ятагарасу, не понимавший ее речь.

– Что?

– Ямагами.

Этот ятагарасу был примерно того же возраста, что и Надзукихико, или чуть моложе. Он настойчиво тянул девуш-

ку за руку, и тут до нее донесся уже знакомый пронзительный голос. Голос звал ее.

– Не хочу. Не пойду.

При мысли о том, что нужно опять приблизиться к этому созданию, ноги отказывались двигаться. Сихо слабо мотала головой, но ятагарасу все равно заставил ее встать. Девушку почти протащили по пещерам в комнату Ямагами, которая была гораздо больше той, что определили ей вместо спальни. Как и прошлым вечером, в глубине освещенного лампами помещения стояла колыбель, однако Ямагами в ней не оказалось.

– Ты долго! Что ты делала? – Пронзительный голос раздавался из рук большой обезьяны в центре комнаты. Оодзару с безучастным видом держал чудище на руках.

Сихо ничего не могла сказать, и Ямагами раздраженно прорычал:

– Отвечай!

– Я спала.

– Я не мог глаз сомкнуть, а ты спокойно спала?!

– Какая мерзкая девица, правда, Ямагами-сама? А ведь она ваша мать, – прошептал Оодзару, покачивая божество.

– И правда, – согласился тот. – Совершенно верно. Ты ужасна. И это моя мать?!

Сихо молчала, и Ямагами впился в нее взглядом.

– Может, ответишь что-нибудь? – сердито завопил он и вдруг разразился рыданиями, от которых чуть не лопались

барабанные перепонки.

– Ах, бедняжка Ямагами! – Оодзару, ухмыляясь, смотрел на Сихо, все так же качая дитя на руках.

– Проси прощения! Ну же! – несколько раз повторил ребенок, и Сихо, подчиняясь, упала на колени.

Пол оказался твердым и холодным, но ей ничего не оставалось, кроме как извиняться:

– Простите меня, простите.

Отпустили ее лишь после того, как младенец, наплакавшись, уснул, а обезьяна куда-то исчезла. В ушах не переставало звенеть, и девушка не сразу заметила, что вокруг никого нет. Ее снова потянул за руку ятагарасу. Все то время, пока Сихо бранили, он стоял где-то рядом.

– Еда, – коротко бросил он.

Вернувшись в свою темницу, девушка увидела там онигири из белого риса и воду в бамбуковой фляге. Она должна бы чувствовать голод, но есть не хотелось.

– Я не буду.

Юноша слегка нахмурился и отвернулся, будто говоря: «Как знаешь».

Справив нужду, Сихо свернулась калачиком на циновке, но ей было холодно и никак не спалось. Все, что произошло со вчерашнего дня, казалось кошмарным сном. Бабушка, наверное, с ума сходит от беспокойства. Занятия в школе скоро начнутся, и если не вернуться вовремя, то учителя и друзья заметят неладное.

Обычно на каникулах Сихо бы в это время поливала растения на балконе или читала. А может быть, даже пошла куда-нибудь с подружками, которые появились у нее только в старших классах. И когда она вернулась бы домой, нагулявшись, ее бы с улыбкой встретила бабушка с готовым ужином.

– Прости...

Но, конечно, бабушка не могла ее услышать.

Как ее и предупреждали, делать здесь ничего не приходилось. Часов у Сихо не было, поэтому точного времени она не знала, но каждый день повторялось одно и то же: раз в несколько часов ее вызывали, ругали, потом она смотрела, как Ямагами плачет, пока не уснет, и возвращалась в свою темницу.

«Ямагами действительно не ест и не пачкает пеленки, но ничуть не хуже обычных младенцев ревет ночи напролет», – вертелось в тяжелой от недосыпа голове Сихо.

Когда она возвращалась в свою спальню, ятагарасу приносили ей еду, но девушка почти не притрагивалась к пище. После того как это повторилось несколько раз – наверное, с момента ее появления здесь прошло уже два дня, – девушку снова навестил Надзукихико.

– Мне сказали, ты почти ничего не ешь. Мы тебя не отравим. – У нее на глазах он сунул в рот онигири, но Сихо бесильно покачала головой.

– Дело не в этом...

– Спи, когда можешь, и ешь, когда появляется время. Ина-

че долго не продержишься.

– Аппетита нет.

– Что за капризы? Значит, заставляй себя, – не дрогнув, но и без всякой злости заявил Надзукихико. – Если ты умрешь, придется снова проделать все то же самое. От тебя требуется жить и растить Ямагами.

– Если меня все равно убьют, лучше умереть от голода, чем дать разорвать себя на куски, разве не так? – в отчаянии спросила девушка.

Надзукихико помолчал.

– Хорошо. Если ты вырастишь для нас Ямагами, я сделаю все, чтобы ты без помех вернулась домой.

– Правда?

– Обещать не могу, но постараюсь.

«Врет», – интуитивно поняла Сихо. Просто утешает, потому что ее смерть ему невыгодна.

– Чтобы этот ребенок завершил свое развитие и превратился в божество, нужна мать. Раз он съедает ту, которая оказалась бесполезной, значит, верно и обратное: после того как задача будет выполнена, можно и отпустить мать живой. Если выстоишь, я как-нибудь постараюсь дать тебе свободу, – невозмутимо объяснил Надзукихико. – Я вовсе не желаю тебя убивать, поверь.

Говорил он серьезно, но глаза его были холодны и прозрачны, как стекло.

– Ладно...

«Врешь ты все», – добавила про себя Сихо и взяла у него онигири.

Она чувствовала нежный аромат. Сладкий женский запах, не такой, какой исходит от цветов или конфет. А еще она чувствовала, как кто-то гладит ее по спине. Знакомое прикосновение. Это мама.

Раньше, когда Сихо засыпала, наплакавшись, мама часто приходила ее вот так утешать. Девушке стало стыдно, ведь она уже старшеклассница, а ее ласкают, как маленькую, но еще больше она радовалась этому забытому ощущению, и сердце ее успокаивалось.

Как же давно мама так не делала. Очень давно. Конечно, ведь она умерла шесть лет назад.

Сихо распахнула глаза. Первым, что она увидела, была не собственная кровать, а переплетения грубых волокон циновки. Суставы ломило, щек касался холодный воздух. Она повернулась к входу – там стоял какой-то ятагарасу.

Естественно, мамы здесь быть не могло. Даже осознав, что видела сон, девушка почему-то не расстроилась. Ощущение казалось настолько реальным, что она даже подумала, будто мама действительно приходила к ней.

«Все хорошо, Сихо, все хорошо, держись», – говорила мама.

Внезапно девушка почувствовала, что проголодалась, и запихала в рот онигири, которые взяла у Надзукихико, но

так и не стала есть. Жадно жуя совсем остывший рис, она вдруг, впервые после прихода сюда, абсолютно ясно осознала свое положение.

Уже не раз с тех пор, как живет здесь, девушка укоряла себя за то, что ослушалась бабушку, ведь та не стала бы без причины так холодно говорить о человеке. Если подумать, это было очевидно. Как же глупо вышло!

И все же это не значит, что теперь они имеют право ее убить. Сколько себя ни вини, а Сихо уже попала в беду, и нужно как-то выкручиваться самой.

Ее бабушка – упорная женщина, а значит, всеми силами будет пытаться найти внучку. Наверняка она уже вместе с полицией ворвалась в Сандай. Проблема лишь в одном: внучку захватили не люди, а какие-то чудовища. Вряд ли даже полиция доберется до этой священной земли, да и неизвестно, насколько они поверят во всю эту историю с человеческими жертвами и посвящениями.

Ей надо хотя бы ускользнуть из священных земель и попросить помощи у кого-то не связанного с деревней. Интересно, правда ли, что если она сбежит отсюда, то попадет в Ямаути, мир ятагарасу? По крайней мере, пещера с источником и большим камнем, через которую ее привел сюда Оодзару, должна вести наружу. Нельзя просто принять на веру рассказы Надзукихико.

И Яагами, и обезьяны, похоже, собирались оставить ее в живых, если только она не попытается удрать. Нужно усы-

пить их бдительность, показать, что она и не думает сопротивляться, и поискать выход наружу. А затем улучшить момент и бежать. Других способов спастись она не видела. И чтобы план сработал, нужно очень внимательно наблюдать за своими мучителями.

Живот набит, тактика придумана – теперь у Сихо поднялось настроение. С этого момента она, притворяясь, что послушно приняла свою участь, зорко следила за всем, что происходило вокруг.

Наблюдения показали, что в действиях Ямагами, обезьян и ятагарасу есть определенный порядок. Судя по всему, роли ятагарасу и обезьян на священной земле различались. Обезьяны в основном обслуживали Ямагами, а ятагарасу следили, чтобы пленница не пропала. Надзукихико лишь изредка приходил из Ямаути проверить, как дела у Сихо, а вход в ее темницу сторожили по очереди другие ятагарасу.

Оодзару иногда покидал Ямагами, но, похоже, старался не оставлять его надолго. Наверное, он возвращался в свое жилище, чтобы поспать, однако чаще всего девушка видела их вместе.

Зато прихвостни Оодзару появлялись все реже. Возможно, у них вообще не было обычая находиться рядом с божеством. В первые два-три дня Сихо сталкивалась с их злорадными ухмылками: видимо, они ожидали, что девушка вот-вот сбежит. Но позже она стала замечать, что при встрече

обезьяны лишь в нетерпении скрежещут зубами, а однажды они и вовсе исчезли из виду.

Нормальной еды Сихо не давали. Голодный человек в плену вполне мог бы повредиться рассудком, но она сохраняла разум лишь потому, что ей удавалось хоть немного поспать.

С той ночи Сихо каждый раз видела один и тот же сон о маме. Стоило ей лечь и задремать, сразу появлялась покойная мама и гладила ее. Девушке удавалось хорошо выспаться даже за такое короткое время, и всегда после сна ей казалось, что физически стало гораздо легче. Возможно, благодаря этому брань Ямагами, которую она едва выносила первое время, с третьего дня Сихо стала пропускать мимо ушей.

Человек ко всему привыкает. Девушка восхищалась своими жизненными силами, будто смотрела на себя со стороны, а с тех пор, как научилась сохранять хладнокровие, она заметила, что Ямагами поносит ее иначе.

При Оодзару и в его отсутствие божество ругалось по-разному. Когда обезьяна находилась рядом, Ямагами был особенно жесток. Оодзару словно подливал масла в огонь, и гнев ребенка не только не утихал, но, наоборот, разгорался пуще прежнего. А вот если поблизости оказывался Надзукихико, Ямагами часто направлял свою злобу на ятагарасу.

– Мерзкие грязные вороны! Трусливые предатели, ваши противные душонки прогнили насквозь!

Однако Надзукихико лишь молча выслушивал эту брань, ни словом не отвечая на упреки.

Сихо запомнилось и то, что в такие моменты Оодзару выглядел еще довольнее, чем когда бранили ее.

– И правда, что с этими воронами поделаешь? – радостно кивала обезьяна, поддакивая хозяину.

Если же ее не было, Ямагами не столько ругался, сколько злился и досадовал.

Прошло уже дней десять с тех пор, как Сихо оказалась здесь. Оодзару не пришел, они собрались втроем: Ямагами, Надзукихико и Сихо. Ребенок, как всегда, вопил – впрочем, постепенно он сбавил тон, возможно, потому, что обезьяна сегодня не показывалась.

– Эх, предатель... Не хочу тебя видеть. Уходи! – Жалобный голос звучал гораздо слабее, чем обычно.

Не поднимая глаз, Надзукихико вышел, а Сихо задумалась, что слишком уж часто слышит в его адрес это слово. И не слышалась ли ей горечь в голосе Ямагами?.. Девушка ощутила в божестве слабость, которой не замечала, когда рядом находился Оодзару.

– А почему ты называешь Надзукихико предателем? – сорвался с ее губ вопрос.

Сихо спохватилась, но было поздно. Девушка всегда задавала вопросы не думая. И хотя она уже немного освоилась здесь, однако никак не ожидала, что плохая привычка вновь даст о себе знать.

Девушка сжалась, готовясь к очередному граду упреков, как вдруг услышала не раздраженный вопль, а жалобный

вздох ужасно усталого взрослого:

– Он меня бросил. Я был слаб, а он отступился от меня, заперся с той стороны ворот и не вернулся. Вороны забыли меня. Забыли, потому что я им больше не нужен. И что они опять тут делают?

Он засмеялся, будто иронизируя над самим собой.

Сихо впервые услышала нормальный ответ. Это было настолько непохоже на знакомого ей Ямагами, что она опешила. Девушка невольно всмотрелась в ребенка: а ведь он стал гораздо крупнее, чем десять дней назад. Хоть и говорят, что дети растут быстро, но такая скорость явно необычна для человеческого малыша. Он по-прежнему выглядел уродливо, однако в неуверенном взгляде теперь чувствовалась какая-то человечность.

Сихо не знала, можно ли ей вставить словечко в монолог Ямагами, кажется обращенный к самому себе, но тут младенец обронил:

– И ты такая же. Все, уходи.

Так ничего и не сказав, девушка вернулась к себе. Она забралась в постель, но сон не шел. Настоящее лицо Ямагами, которое он впервые показал ей, взволновало ее. На какой-то миг чудище стало похожим на человека.

Она повернулась на другой бок и, глядя в ту сторону, где жил Ямагами, подумала: «Наверное, между ним и ятагарасу в прошлом что-то произошло».

«Сихо! Сихо! Вставай!» – шептал кто-то ей в ухо.

Она открыла глаза и увидела девушку в таком же белом кимоно, какое носила сама.

– Вы кто?

В тот же миг девушка поняла: это она появлялась здесь каждую ночь, будто во сне, это ее Сихо приняла за свою маму. Перед глазами стояла незнакомка лет двадцати с добрым лицом. В ней не было ничего особенного, но выглядела она утонченно. Ее вид выдавал нежную душу, а улыбка могла бы волновать сердца, но сейчас это лицо омрачила печаль.

Сихо поспешно вскочила, и девушка приложила палец к ее губам.

«Тихо. Пожалуйста, выслушай меня».

Ее голос Сихо слышала не ушами – он как будто звучал прямо в мозгу.

«Сейчас я могу вывести тебя отсюда, пойдем со мной».

Сихо вытаращилась на тайную гостью.

– Правда?!

«То, что говорил ятагарасу, должно было лишить тебя воли к побегу. Даже без разрешения Яагами можно вернуться в твой мир, если следовать правильным путем», – говорила девушка.

Сихо бросила взгляд на вход: там виднелась спина ее сто-

рожа. Она подумала, что не сможет выбраться, если он никуда не уйдет, но девушка кивнула, успокаивая ее:

«Не бойся, они меня не видят. Просто двигайся тихо».

– Хорошо, – прошептала девушка, чтобы ее не услышали.

Гостья улыбнулась, но в следующий миг лицо ее исказилось от горя.

«Прости. Все это из-за меня. Я сделала его таким... – Она словно каялась. – По моей вине он шутя погубил множество девушек. А они не должны были умирать. Они не виноваты...»

Голос ее дрожал, она посмотрела в глаза Сихо.

«Он уже не услышит меня. Но я больше не хочу видеть, как он мучает и убивает людей».

Из ее ясных черных глаз скатились две слезинки, похожие на кусочки хрусталя.

«Ну же, вставай».

Девушка протянула руку, и Сихо попыталась ухватиться за нее, но не смогла коснуться. С тоской глядя на пленницу, гостья сказала и повернулась к выходу:

«Иди за мной».

– Кто ты?

Та обернулась и успокаивающе улыбнулась.

«Я Тамаёри-химэ. Та, что усердно прислуживает Ямагами-сама».

– Ее нет!

Услышав эту новость, телохранитель Надзукихико закричал:

– Что ты несешь?!

У единственного выхода всегда стоял дозорный. Телохранитель стал допытываться, не покидал ли он своего поста без разрешения, но слуга, прибежавший со всех ног, чтобы как можно быстрее доставить известие, покраснел и замотал головой:

– Нет! Ни на миг не сходил с места! Я сам не понимаю, как она могла исчезнуть!

Но Сихо действительно не было.

– Когда ты видел ее в последний раз?

– Да вот только что! Я заметил, что она встала по нужде, и ненадолго отвернулся, а когда повернулся снова, ее уже не оказалось.

– Что будем делать? – спросил другой прислужник, такой же бледный.

Надзукихико моментально отдал приказ:

– Иди за подмогой. Нужно найти ее раньше, чем это сделают обезьяны.

– Слушаюсь!

– А мы – в темницу.

Взяв с собой сторожа и одного из телохранителей, Надзукихико направился в комнату Сихо. Войдя внутрь, он сразу же подошел к ширме и отодвинул ее от стены.

Когда-то комната была частью пещеры. Стены так и остались необработанными, а между торчащими камнями выглядывала щель, похожая на трещину, – ее и прикрывала ширма. На первый взгляд человек не мог туда протиснуться, но, просунув внутрь руку, Надзукихико кончиками пальцев ощутил движение воздуха. Там что-то есть.

– Не может быть! – простонал телохранитель. – Неужели она выбралась отсюда?!

Сихо девушка некрупная, поэтому ей и удалось туда забраться. Сообразив, что этим путем преследовать ее не удастся, Надзукихико встал.

– Нам здесь не пройти. Вернемся назад.

Он быстро покинул темницу, и сторож, упустивший пленницу, склонил голову:

– Прошу меня простить. Это моя вина.

– Я тоже не заметил щель. Кто бы ни стоял на страже, она все равно бы улизнула.

Он двинулся вперед, а навстречу ему уже бежали четверо: видимо, их позвал слуга.

– Собрали всех, кого можно было привести сразу. Остальные придут, когда будут готовы.

– Кажется, она ушла через проход, о котором мы не знали.

– Куда он ведет?

– Понятия не имею. Нужно привести кого-то худого. А вы общитесь пещеры. И осторожнее, чтобы ни Ямагами, ни обезьяны ничего не заметили.

– Та-ак. Чтобы кто чего не заметил? – мерзко улыбаясь, спросил Оодзару.

Он появился как раз в тот момент, когда Надзукихико отдал приказ. В руках обезьяны лежало божество с выпученными глазами. Дело плохо.

– Она скрылась?!

– Похоже на то.

– Это ты виноват, ятагарасу! – радостно заявил Оодзару.

Его голос звучал угрожающе, и слуги напряглись.

– Может, они ее специально отпустили?

– Ямагами-сама! Мы бы никогда...

– Замолчи! Вы предали Ямагами-сама! Думаете, вам теперь поверят?

Оодзару хохотал.

Дело плохо. Совсем плохо. Раздражение росло. В голове звенел тревожный колокол, но предпринять уже ничего нельзя. Надзукихико видел, как телохранители мало-помалу расходятся, чтобы дать ему путь для отступления.

– Ямагами-сама! Мы ведь не знаем, что они замышляют! – преувеличенно горестно сетовал Оодзару, склонившись к уху затихшего ребенка. – Пожалуй, теперь вы можете доверять только мне. Вполне возможно, что он сговорился с ней.

– С ней?!

– Да-да. И эта девчонка, и вороны – предатели! – громко заявил Оодзару. – Они отпустили ее и собираются лишить вас положения. Он хочет сам занять ваше место!

Обезьяна ухмыльнулась.

И вдруг воздух наполнился мощным белым сиянием и жаром.

* * *

Сихо все видела. Вслед за своей гостьей она нырнула в проход и спряталась за камнем, ожидая, пока ятагарасу уйдут. Когда они скроются из вида, она должна выйти на другую тропинку и выбраться наружу. Но не успели ятагарасу разойтись, как появились Оодзару и Ямагами. Вряд ли они заметили ее, зато ей все было прекрасно видно и слышно через щель.

В ее отсутствие обезьяны и вороны говорили с сильным акцентом, их речь напоминала иностранный язык. Сихо не понимала смысла и все же по общей атмосфере уловила, что Надзукихико и его слуг ругают за то, что она сбежала. С волнением она следила за происходящим, и тут вокруг Ямагами сверкнула молния. Девушка вскрикнула от неожиданности, но удар грома заглушил ее крик.

Из-за грохота и яркого света она лишилась слуха и зрения. Отшатнувшись от щели, Сихо прижалась к стене и некоторое время пыталась унять дыхание. Сначала вернулось обо-

няние. Воняло ужасно – горелыми волосами и сожженной вместе с землей плотью. Задыхаясь от запаха, она почувствовала, как к горлу подступает тошнота.

Что это? Что там произошло? Девушка чувствовала, что смотреть туда нельзя, но не утерпела и прижалась к щели. Зрение вернулось, и в глаза бросился белый туман: в воздух поднимался дым от *чего-то*.

Черный комок, похожий на камень. На том месте, где только что стояли ятагарасу, лежали несколько черных человеческих силуэтов, скрюченных, точно зародыши. Это трупы воронов.

Когда затих звон в ушах, она услышала вопль, эхом отдававшийся в стенах пещеры. Припав к уголькам, оставшимся от товарищей, надсадно завывал юноша, выкрикивая их имена: наверное, он только что прибежал. Словно дразня его, гремел хохот. Это смеялся Оодзару, бережно покачивая на руках Ямагами.

Сколько же прошло времени?

«Пойдем».

Когда и Ямагами, и обезьяна скрылись из виду, когда исчезли ятагарасу, неся на руках тела товарищей, Тамаёри-химэ попыталась сдвинуть Сихо с места. Та, пошатываясь, послушно выбралась из прохода. Они миновали источник, где было по-прежнему тихо, лишь била ключом прозрачная голубая вода. В этом безмолвии с трудом верилось в то, что произошло минуту назад.

Сихо давно не бегала, поэтому все тело ужасно ныло, а голова раскалывалась из-за шока после увиденного.

– Это из-за меня...

«Нет, ты не виновата».

Девушка яростно замотала головой и мрачно продолжила. «Сейчас он по своему капризу убивает тех, кто рядом. Я уже много раз видела, как из-за мелочей погибали обезьяны и вороны. Раньше он таким не был... Но ты не виновата», – настойчиво повторяла она.

Следуя за Тамаёри-химэ неизвестными тропами и пещерами, Сихо заметила, что воздух изменился. Обжигающе холодный воздух священной земли сменил согревающий ветерок.

Они вышли наружу. Стоял дождливый вечер. Откуда-то доносился теплый аромат криптомерий.

«Если выберешься со священной земли, обезьяны не последуют за тобой. Просто иди в ту сторону».

Девушка указала на склон, где даже зверь с трудом прошел бы. Но колебаться было некогда. Сихо побежала вниз, однако земля оказалась неровной, к тому же шел дождь. Споткнувшись, девушка вскрикнула и покатилась под уклон. Она летела, обхватив голову руками, а когда наконец остановилась, поняла, что вся покрыта грязью и царапинами. Прерывисто дыша, она подняла голову. Тамаёри-химэ, ее проводной, нигде не было видно, зато показались огоньки человеческого жилья. Сихо поспешила туда – и не ошиблась.

На берегу озера стоял дом, похожий на охотничью хижину. В большом гараже припаркованы три машины, на крыше одной из них – каноэ. Сихо обошла дом по берегу и осмотрелась, однако огней деревни не увидела. Она не знала, насколько далеко была от Сандая, но понимала, что вряд ли сможет добраться куда-то еще. Придется рискнуть.

– Простите... Кто-нибудь есть? – несколько раз позвала она, и занавески раздвинулись.

Изнутри на нее взглянул мужчина лет тридцати в очках с оправой.

– Ты откуда?! – удивленно спросил он.

Сихо почувствовала, что наконец оказалась в безопасности. У девушки подкосились ноги, и она рухнула на землю.

* * *

– Меня зовут Масару Танимура. Я обычно живу в Токио, а сюда приезжаю только на лето, спасаюсь от жары.

– Это ваша дача?

– Вроде того.

Мужчина проводил Сихо в свой кабинет, совмещенный с гостиной. У окна стоял большой письменный стол, под потолком крутился вентилятор, и комната хорошо проветривалась. Вдоль двух стен стояли стеллажи с книгами.

Девушка вкратце рассказала Танимуре, что произошло, и он на удивление легко ей поверил.

– Видишь ли, я давно знал, что в этой деревне проводят какие-то странные ритуалы. Но даже и подумать не мог, что там приносят в жертву девушек. – Он нахмурился и почесал голову. – Давай-ка для начала позвоним к тебе домой и в полицию. Наверное, надо сразу в префектуральное управление...

Пока он, бормоча, листал записную книжку, Сихо рассматривала его. На вид приятный, элегантный мужчина. Волосы выкрашены в рыжеватый цвет и, кажется, даже с завивкой. В свете электрической лампы она заметила веснушки вокруг носа, а еще он пожевывал сигарету, что ему очень шло. Возраст она определить не могла, но раз мужчина представился управляющим компании, то, возможно, был старше, чем выглядел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.